Молчаливый хранитель семейной истории

Фил Суземка

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Полная, детализированная картина о том, что творится в семье, имеется только в голове у кота. Поэтому он — главный».

Этот рассказ — о деревенском коте, который видел и электрификацию, и суровые зимы, и балет по телевизору, но больше всего на свете мечтал о глиняной игрушке за стеклом.

- Phil Suzemka
  - ○

Phil Suzemka
Молчаливый хранитель семейной истории

Известная мелодия «Собачий вальс» в Болгарии носит название «Кошачий марш».

В детстве я хотел быть котом. Электричества не было, метель заметала хаты, по Хутору ночами шарились волки, и все жители если о чём и думали, то, в основном, про керосин, про метель и про волков. Ну и ещё про выпить. А кот ни про что не думал. Он всю дорогу лежал на печке и ему было хорошо.

Мышей он не ловил. Он на них внимательно смотрел сверху вниз, свесив голову из-за ситцевой занавески. Видимо, пересчитывал, как пересчитывает опытный сержант своё раздолбайское отделение. Мыши на него внимания не обращали. Они, как золушки, медленно перебирали крупу, предварительно рассыпанную ими же из заранее прогрызенного мешка.

Остальных обитателей нашей хаты пацифизм кота расстраивал. Опыт веков и крестьянская смекалка подсказывали, что где-где, а на Хуторе коты изобретены Господом именно для борьбы с мышами. Но сам кот об этом не имел понятия. Или не до конца верил в Бога.

День — особенно, зимний — кот проводил, то засыпая, то просыпаясь. Без лишнего повода с печки не слезал. Мороз на

стекле рисовал фракталы. Между двойными рамами для красоты лежал кирпич, завернутый в вату, а на нём сидел глиняный снегирь.

Если не брать иконы в красном куту и портрет артиста Олейникова, вырезанный из газеты и висящий на стене, то снегирём, собственно, и заканчивались представления обитателей хаты о таких вещах, как дизайн интерьера и вообще фэн-шуй. Кот тоже был не лишен чувства прекрасного: снегирь на кирпиче являлся единственной птичкой, которая его интересовала.

Каждое утро, когда все ещё спали, он слезал с печки и осторожно подбирался к окну. Снегирь смотрел на кота глупым глазом. Ваську это бесило и с боевым воплем он пытался схватить врага в прыжке, после чего чесал побитую о стекло морду, тряс ударенной лапой и понуро лез обратно на каменок, пиная недовольно бурчащих мышей.

Когда наступала весна и на каждом заборе сидело штук по сто птиц разного вида и цвета, кот не обращал на них никакого внимания. Он терпеливо ждал, когда выставят рамы и можно будет наконец добраться до той сволочи, что несколько месяцев не давала ему спокойно жить. Но каждый раз так получалось, что снегиря, замотанного в снятую с кирпича вату, прятали в сундук ещё до того, как кот мог к нему пробраться.

Анализируя его поведение, я сделал вывод, что к снегирю я б, конечно, будь я котом, вообще не совался. А остальное меня устраивало. Даже ели и пили мы с ним одно и то же: сало, сметану, молоко.

Ну, ладно, он не ел солёных огурцов, варёной картошки (жареную ел) и квашеной капусты. А вот кровяную колбасу на Рождество мы с ним тягали вместе. Свиные уши тоже грызли вдвоём. Даже хлебом по утрам интересовались оба два.

Мы спрыгивали с печки, когда с пламенеющих углей доставали одуряюще вкусно пахнущий каравай. Кот судорожно принюхивался, а я спрашивал: «На каких листьях?» Если на дубовых, мы разочарованно лезли обратно. Но если на капустных, то нам отрезали нижнюю корку, и мы хрустели ею, глядя из-за трубы на то, как начинается утро в хате.

Так что даже меню у нас с ним было одинаковое. В рацион остальных по вкусу добавлялся ещё и самогон, который мы с котом на ту пору ненавидели.

Основная ж разница меж нами состояла в том, что я после завтрака должен был идти в школу, а он оставался за трубой со всем своим far-niente, которому мне оставалось лишь завидовать.

Я понимал, что коты живут меньше, чем люди. Но в стремлении быть котом меня это не останавливало. Дело в том, что все знакомые со мной коты в определённый им свыше срок слезали с печки и куда-то решительно исчезали. Видимо, отправлялись в страну вечных печек и доступных снегирей.

Но каждый раз на месте ушедшего тут же объявлялся новый ушастый чёрт, точно так же растягивался на печке и начинал жить. От этого у меня сложилось ощущение, что кот — он вечен, что «не сотвори себе кота», и вообще, что «кот всё видит и всё знает».

Кстати, я до сих пор думаю, что именно кот — свидетель всех домашних тайн. Дети не знают, чем занимаются родители, сами родители занимаются глупостями и понятия не имеют, что в данный момент вытворяют дети.

Любовники и любовницы, друзья и не очень, бродячие сантехники, чумная «тётя Валя из Острогожска», приехавшая в Москву за колбасой и в Мавзолей — все эти люди в головах обитателей дома разрозненны и фрагментарны. Полная, детализированная картина о том, что творится в семье, имеется только в голове у кота. Поэтому он — главный.

Так происходит всегда. Так сейчас и так это было, когда мы лежали на печке, а за брабантскими кружевами мороза на окнах гуляли по Хутору метели.

Жизнь текла и менялась, ломая вековые уклады. Однажды пришли люди с мотками проводов на плечах, провели в каждую хату электричество и обучили нас слову «ризетка». Произошло это в 1970 году, хотя вообще-то, как утверждали учебники, ток изобрёл ещё Ленин.

Кстати, такое довольно-таки себе техническое понятие, как «розетка», быстро откочевало в список народных мудростей и закрепилось в поговорке, смысл которой мне стал понятен далеко не сразу: *«Вот, шо вы, бабы, за люди?! — ризетка ёсть, а штёпсель найдется!»* Но, это к слову.

До появления электричества из двух обязательных составляющих коммунизма на Хуторе была только Советская власть в облегченной форме. Другими словами, в форме бригадира колхоза. Бригадир, подкреплённый электричеством, должен был способствовать нашему поступательному движению к светлому будущему, чем он и был занят. Например, посмотрев на лампочку, бригадир первым сообразил, что раз она горит, то можно купить и телевизор.

Это было серьёзный проект. Весь Хутор участвовал в акции. Из леса (то есть, с другой от хат стороны дороги) приволокли 20-

метровую сосну, врыли её в землю и растянули во все стороны проволоками. Наверху сосны торчала антенна. Раскачиваясь под ветром, она искала и даже иногда ловила Москву. Москва показывала новости и балет.

Между прочим, новости можно было б и не показывать: на Хуторе и своих хватало, а московские, они что сейчас, что тогда — совсем непонятные.

А вот балет неожиданно оказался кстати. Своих баб с задранными юбками на Хуторе не водилось, а в балете — сколько хочешь. Поэтому, прежде чем пустить газету «Рассвет» на самокрутки, мужики внимательно выискивали в небогатой телепрограмме слова типа «Жизель», «Травиата» или «Сильфида».

…В 2001 году Сапармурат Туркменбаши упразднил балет в Туркмении. «Я не понимаю балет, — сказал он. — Зачем он мне? Нельзя привить туркменам любовь к балету, если у них в крови его нет». В итоге, театр оперы и балета в Ашхабаде снесли. Видимо, оперу туркменам привить тоже не получилось.

И у нас на Хуторе балет, вроде, не сильно был в крови, но признание завоевал быстро. На мой взгляд, это лишний раз свидетельствует о том, что Хутор ближе к Европе, чем Ашхабад, а также подтверждает мысль о вечной тяге русского человека к настоящему искусству. Не то, чтоб мужики научились отличать *pas de deux* от *pas d'action* (гори они огнём!), но, например, появления Одиллии в «Лебедином Озере» на третьем просмотре уже ждали:

— Во, кум, я табе той раз казал за чернявенькую! Дивись, дивись! Бачишь, не?

— Жопка, шо и говорить… — задумчиво одобрял либретто кум, — была у мене в Буде одна цыганочка. Ох, и ходовая же…

— Да и Беляночка тоже не комолая, — вступался кто-нибудь за Одетту, — бач! крутится, шо твой сепаратор…

Женщин и детей в этот мужской клуб на просмотр не пускали. Но я дружил с сыном бригадира, и мы с ним и с его котом всё видели с печки, хотя восторга мужиков не разделяли. Я, собственно, и сейчас к балету отношусь не лучше, чем ординарный туркмен.

Года через два после первого телевизора благосостояние на Хуторе стало помаленьку расти, сосен с антеннами по огородам навтыкали все кому не лень. А еще лет через пятнадцать эти сосны стали падать на хаты, но к тому времени ни электричеством, ни, тем более, балетом уже было никого не удивить.

Меня жизнь выгнала с печки и отправила непонятно куда и

непонятно за чем. Кот вышел проводить меня на крыльцо, ёжась, посмотрел вслед и, поочерёдно отряхивая лапы, вернулся на печку ждать своего снегиря.

…С тех пор прошло много лет. Чего только не было и где я только не пробовал вести себя как человек, но так и не расхотел быть котом.

…Зима. Хутор. Узоры на стекле. Снегирь. Тёплая печка. И ещё — загадочная страна, куда в конце всегда можно уйти. Вдруг в следующей жизни сложится? Заявку я оставил…